

ВАСИЛИЙ ГЛУШАК (Москва)

**КОНТАМИНАЦИЯ И ПУРИЗМ
КАК ДВЕ ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ
СУРГУТСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

Abstract. Contamination and Purism as Two Opposing Tendencies in the Development of Surgut Dialect of Khanty Language

The article deals with Russian loanwords in the dialect of the Surgut Khanty and the linguistic mechanisms of their adoption. The contamination and the purism are considered as two important trends that will shape the further development of the Surgut dialect. Three stages of the borrowings from Russian in the Surgut dialect are determined and characterized. The article also discusses problems connected with the standardization of the dialect of the Surgut Khanty.

Keywords: Khanty language, Surgut dialect, contamination, standardization.

1. Введение

Лингвистический потенциал хантыйского языка до начала контактов с русским населением обладал значительными средствами для передачи понятий, связанных с непосредственной общественно-производственной деятельностью и бытовым укладом ханты. Вместе с тем в хантыйском языке были слабо представлены целые разделы словаря, связанные с культурой и техникой города, с письменностью и литературой, с государственностью, с общественно-политической терминологией, т. е. со всеми теми понятиями, которые отсутствовали в общественной практике этого народа или были ему мало свойственны.

Более высокий функциональный потенциал и социальный престиж русского языка привел к маргинализации сургутского диалекта хантыйского языка. Он существует и развивается преимущественно как код бытовой коммуникации, в то время как вся официальная и иная престижеориентированная коммуникация в сфере культуры, высшего образования, бизнеса и т. п. осуществляется на русском языке. Ситуация с билингвизмом сургутских ханты развивается в направлении превалирования русского языка. Все это ведет к контаминации сургутского диалекта хантыйского языка и русского языка. Наличие четкой и последовательной языковой политики в отношении этого диалекта и эф-

фективных мер по его стандартизации могли бы препятствовать распространению и углублению процессов русификации. Кроме того, признание западных диалектов в качестве литературной нормы хантыйского языка ослабило интерес к восточным диалектам.

Сосуществование двух языков не всегда характеризовалось паритетными отношениями. Доминирование русского языка в условиях билингвизма и русификации сургутских ханты в конечном итоге вело к контаминации языка местного населения с русским языком. Развитие сургутского диалекта на современном этапе характеризуется наличием двух противоречивых тенденций — контаминации, направленной на заимствование языковых элементов из русского языка, и борьбы за чистоту языка (пуризма), учитывающей лингвистические особенности строения сургутского диалекта.

2. Фонетическая и орфографическая база сургутского диалекта

Сургутский диалект принадлежит к восточной ветви хантыйского языка. Восточные диалекты объединяет наличие парадигматического чередования гласных у существительных и глаголов, а также разветвленная падежная парадигма (в сургутском диалекте девять падежей). Западнохантыйским фрикативным [ʃ] и [ʃ̣] соответствуют восточнохантыйские [č] и [č̣]. В отличие от западных диалектов в восточном ареале не произошла фрикативизация [k] в [ɣ]. В то же время сургутский диалект имеет некоторые характеристики, отсутствующие у близких ему ваховского и васюганского диалектов, но свойственные западным диалектам. Так, в сургутском диалекте есть латеральный глухой фрикативный [ɮ], известный в казымском диалекте, тогда как в окраинных диалектах Ваха и Васюгана употребляется [l], а в центральных хантыйских диалектах — [t]. В отличие от системы времен в других восточнохантыйских диалектах темпоральная парадигма сургутского насчитывает всего две временные формы. Некоторые исследователи склонны видеть в этом влияние западных диалектов (см., напр., Csepregi 1998 : 10).

Несмотря на то, что последняя редакция хантыйского алфавита утверждена в 2005 году, остается много вопросов относительно его лингвистической состоятельности. В 2012 году вновь создана рабочая группа по совершенствованию графики и орфографии хантыйского языка, в которую включены преимущественно ученые, занимающиеся проблемами западных хантыйских диалектов. Сургутский диалект представляли лишь А. С. Сопочина и Л. Н. Каюкова. Основными дискуссионными вопросами остаются принципы слоговости vs. фонематичности, использование йотированных букв *я, е, ё, ю* vs. сочетаний *й + гласный*, а также целесообразность введения специальных графем для обозначения среднеязычных согласных звуков [ɰ], [ɰ̣], [t] и [ʃ] (только в северных и западных диалектах), которые являются отличительной чертой фонологической системы хантыйского языка, или использование уже имеющихся графем с добавлением букв *ь* и *ъ*.

В соответствии с принципами идеальной графики, которая строится на основе корреляции между графемами и фонемами, для каждой из этих фонем необходимо ввести отдельную букву. Графика и орфо-

графия сургутского диалекта строится на базе вокальной и консонантной системы, предложенной еще В. Штайницем (Steinitz 1950). В дальнейшем разработкой фонематического графического письма занимался Н. И. Терешкин, ученица и последовательница которого А. С. Сопочина пытается внедрить принцип фонематичности при создании современных учебников сургутского диалекта. После смягченных согласных фонем и перед среднерядными, краткими и сверхкраткими гласными она ставит мягкий знак, например: *Коньтьтьѣ қот қотты?* 'Где здесь больница?' (Покачева, Песикова 2006 : 48), *тьѣрас* 'тысяча' (Покачева, Песикова 2006 : 43), *ньѣңи* 'младшая сестра' (Покачева, Песикова 2006 : 11). Однако, отходя от принципа фонематичности, А. С. Сопочина обозначает полные гласные после смягченных согласных йотированными гласными буквами, например: *нянь* 'хлеб' (Покачева, Песикова 2006 : 40), *ляль* 'война' (Покачева, Песикова 2006 : 45), *қятя* 'пожалуйста' (Покачева, Песикова 2006 : 7).

Приведем в алфавитном порядке соответствия гласных и согласных фонем сургутского диалекта хантыйского языка их графическим обозначениям в варианте, на котором издаются учебники сургутского диалекта хантыйского языка и страница на сургутском диалекте газеты «Ханты Ясаң» в последние годы:

- a* — среднерядный, открытый, долгий /a/, например: *аңки* [aŋki] 'мать'
- ă* — заднерядный, открытый, краткий /ă/, например: *вăх* [wăx] 'деньги'
- ä* — переднерядный, открытый, краткий /ä/, например: *äви* [äwi] 'девочка'
- в* — полугласный, лабиальный /w/, например: *вели* [weli] 'олень'
- e* — переднерядный, полузакрытый, долгий /e/, например: *кемән* [ketəp] 'на улице'
- ə* — среднерядный, редуцированный, сверхкраткий /ə/, например: *сам* [sət] 'сердце'
- и* — переднерядный, закрытый /i/, например: *аты* [at'i] 'отец'
- й* — полугласный, палатальный /j/, например: *йăңк* [jăŋk] 'лед'
- к* — взрывной, палатально-велярный /k/, например: *кеви* [kewi] 'молоток'
- қ* — взрывной, велярный /q/, например: *қăтл* [qătł] 'день'
- л* — альвеолярный, плавный /l/, например: *липăк* [lipək] 'песец'
- л* — латеральный, фрикативный /l/, например: *лйв* [ljiw] 'он, она'
- м* — назальный, лабиальный /m/, например: *ма* [ma] 'я'
- н* — назальный, дентальный /n/, например: *нын* [niŋ] 'вы двое'
- ң* — назальный, палатально-велярный /ŋ/, например: *нйң* [niŋ] 'ты'
- o* — заднерядный, открытый, долгий /o/, например: *қот* [qăt] 'дом'
- ө* — заднерядный, полузакрытый, долгий /o/, например: *қө* [qə] 'мужчина'
- ө* — заднерядный, полузакрытый, краткий /ö/, например: *өлтағә* [öltaɣə] 'лечь'
- ö* — среднерядный, полузакрытый, краткий /ö/, например: *қöл* [qöł] 'сердце'
- п* — лабиальный, взрывной /p/, например: *пуни* [puni] 'медведь'

- р* — вибрант, альвеолярный /r/, например: *рыт* [rɪt] 'лодка'
с — фрикативный, альвеолярный /s/, например: *сорт* [sɑrt] 'щука'
т — взрывной, дентальный /t/, например: *иттэн* [ittən] 'вечер'
у — заднерядный, закрытый, долгий /u/, например: *тувар* [tuwer] 'хвоя'
й̆ — среднерядный, закрытый /j̆/, например: *м̆й̆кким* [m̆j̆kkim] 'сколько'
χ — фрикативный, велярный /χ/, например: *нь̆ѡхэс* [n̆j̆ɔxəs] 'соболь'
ч — аффриката, альвеолярный /tʃ/, например: *чечи* [tʃeʃi] 'бабушка'
ш — фрикативный, альвеолярный /ʃ/, например: *шай* [ʃaj] 'чай'
ы — заднерядный, закрытый, долгий /i/, например: *пыр* [pɪr] 'поздно'
ь — знак палатализации /ʲ/, например: *доньть* [dɔntʲ] 'снежинка',
кыльчитэх [kɪlʲtʲɪtəx] 'подвиньтесь'

3. Периодизация заимствования русских реалий в сургутском диалекте

В истории адаптации русских реалий в сургутском диалекте хантыйского языка можно выделить три этапа.

3.1. XVI век — начало XX века

Адаптация новых реалий в сургутском диалекте происходила как путем расширения значения бытующих в языке слов, так и путем описания. Лишь незначительная часть слов создана путем калькирования. Таким образом, до начала XX века обозначение нового предмета или явления в диалекте могло не сопровождаться заимствованием его русского названия. Слова, перешедшие из русского языка в хантыйский, получали свойственное последнему фонетическое оформление, преобразовывались в соответствии с его звуковыми и грамматическими нормами, например: *кирип* < рус. *корабль*, *лекэр* < рус. *лекарь*, *кэньика* < рус. *книга*, *карасин* < рус. *керосин*, *кирпэч*, *кирпэш* < рус. *кирпич*, *калась* < рус. *калач*, *т̆й̆лки* < рус. *чулки*.

3.2. Вторая четверть — конец XX века

На втором этапе для адаптации новых реалий также широко использовались средства сургутского диалекта. Как правило, это происходило за счет калькирования и описания, например: *ѡнэлтэхэлтэ неврем* < рус. *школьник* (досл. 'обучающийся ребенок'), *ай неврем йаңктэ қот* < рус. *детский сад* (досл. 'дом для играющих маленьких детей'), *вах тойты қот* < рус. *банк* (досл. 'деньги имеющий дом').

Показателен в этом отношении значительный ряд лексических заимствований советского периода, например: *пэрката* < рус. *бригада*, *пэрсент* < рус. *брезент*, *тэрекка* < рус. *трико*, *ратыва* < рус. *радио*, *кина* < рус. *кино*, *автоваксал* < рус. *автовокзал*, *ортьир* < рус. *ордер*, *польнитса* < рус. *больница*, *эспутник* < рус. *спутник*. Нередким в советское время становится заимствование русских понятий с сохранением оригинального произношения, например: *совет*, *фабрика*, *электричество*, *государство*, *совхоз*, *коммунизм*, *конституция*, *пионер*, *делегат*.

Ряд новых терминов создается сочетанием заимствованных и исконно хантыйских слов, например: *рыт мйтор* < рус. *моторная лодка*, *Руть Қон мах Федерация* < рус. *Российская Федерация*, *Қантәх панә Манси Йох Автономнай Округ* < рус. *Ханты-Мансийский автономный округ*. В результате проникновения русских заимствований сложилась ситуация сосуществования лексических дуплетов в сургутском диалекте хантыйского языка.

С середины XX века большую роль в усвоении заимствуемых из русского языка слов играет письменность как на хантыйском, так и на русском языках. В связи с этим ханты, заимствуя из русского языка новые слова, усваивают их не только на слух, но и путем их зрительного восприятия. В процессе обучения учащимися усваиваются навыки в произношении этих слов по нормам русской орфоэпии. В результате у некоторых групп хантыйского населения, овладевающих русским языком, особенно у молодежи и хантыйской интеллигенции, наблюдается стремление к произношению усваиваемых из русского языка слов в соответствии с фонетическими нормами русского языка, например: *ученик*, *учитель*, *директор*, *магазин*, *город* и т. п.

3.3. Конец XX века по настоящее время

С конца XX века с повышением национального самосознания ханты среди интеллигенции растет стремление к борьбе за чистоту языка. К ним следует отнести, в первую очередь, Н. И. Терешкина (Терешкин 1981), А. С. Песикову (Сопочину) (напр., Покачева, Песикова 2006) и корреспондентов страницы на сургутском диалекте газеты «Ханты Ясаң», которые в ряду дуплетов предпочитают исконные хантыйские слова, преподносят заимствования кальками, описательно или в фонетически адаптированном виде.

4. Лингвистические механизмы освоения новых реалий в сургутском диалекте

Лингвистическая контаминация — это «взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы» (Русский язык. Энциклопедия 1979 : 113—114). Контаминация в сургутском диалекте хантыйского языка представляет собой преимущественно комбинацию лексических и грамматических заимствований из русского языка, облеченных в свойственную сургутскому диалекту фонетическую форму. В отличие от русицизмов, т. е. заимствованных элементов русского языка в чистом виде, контаминационные элементы представляют меньшую угрозу, так как позволяют сохранить фонетический строй диалекта. В случае с дуплетами, с точки зрения пуристов, контаминационные элементы менее предпочтительны. Наибольший вред приносят заимствования чужеродных морфологических элементов, так как они способствуют разрушению грамматического строя сургутского диалекта, как в следующих примерах: *Сургутскэй Район Администрация* — рус. *Админи-*

страция Сургутского района (используется русский суффикс прилагательного *-ск* и новообразование в виде не свойственной хантыйскому языку флексии неопределенного рода *-эй*); *кат машиньхэт* — рус. *две машины* (наряду с суффиксом двойственного числа *-хэт* используется флексия множественного числа русского языка *-ы*); *Пушкина воч кәр* — рус. *улица Пушкина* (используется русское окончание мужского рода родительного падежа *-а*).

Пуристы оправдывают контаминацию в тех случаях, когда сургутский диалект хантыйского языка заимствует из русского языка реалии, ранее не представленные в сферах жизнедеятельности ханты. Перечислим основные механизмы адаптации реалий из русского языка фонетическими средствами сургутского диалекта хантыйского языка.

1. Замена звонкого согласного, особенно в начальной позиции, соответствующим глухим, поскольку хантыйскому языку не свойственны звонкие согласные, например: *самэк* < рус. *замок*, *савот* < рус. *завод*, *саклат* < рус. *заклад*, *почка* < рус. *бочка*, *пулка* < рус. *булка*, *корньица* < рус. *горница*, *ресина* < рус. *резина*, *пакрип* < рус. *погреб*, *туп* < рус. *дуб*, *сунтук* < рус. *сундук*, *песетка* < рус. *беседка*, *паллайка* < рус. *балалайка*.

2. Замена звуков [č] и [s] звуком [š] в начале слова, например: *шай* < рус. *чай*, *шарка* < рус. *чарка*, *шушка* < рус. *сушка*, *шөпек* < рус. *сапог*.

3. Замена звука [f] звуком [p], например: *кәнтпет* < рус. *конфета*, *каптан* < рус. *кафтан*, *сарпан* < рус. *сарафан*, *Петар* < рус. *Федор*, *копта* < рус. *кофта*.

4. Чтобы избежать не свойственное хантыйскому языку стечение согласных в начале слова, применяются следующие способы: а) перемещение гласного первого слога между начальными согласными, например: *турпа* < рус. *труба*, *курпа* < рус. *крупа*, *курушка* < рус. *кружка*, *кәрәнька* < рус. *крынка*, *курук* < рус. *круг*, *кәрэк* < рус. *грех*; б) при стечении трех согласных в начале слова происходит одновременно как опущение начального согласного, так и вставление между оставшимися двумя начальными согласными гласного звука, например: *терук* < рус. *струг*, *пөрүнт* < рус. *шпрунт*; в) редуцированный *ə* перед скоплением согласных, например: *эшкола* < рус. *школа*, *эшкап* < рус. *шкаф*, *эстол* < рус. *стол*.

5. У некоторых имен существительных происходит утрата конечного гласного звука, например: *солот* < рус. *золото*, *кассет* < рус. *газета*.

6. В отдельных словах происходит замена взрывного палатально-велярного [k] и фрикативного велярного [ɣ] в начальной позиции на хантыйский взрывной велярный [k̚]. При этом последующие звуки [a] или [o] в русских словах переходят в хантыйском в *a*-образный огубленный гласный [ä], например: *қосна* < рус. *казна*, *қомут*, *қомәт* < рус. *хомут*.

Сторонники пуристского направления в стандартизации сургутского диалекта применяют следующие лингвистические механизмы адаптации реалий из русского языка средствами сургутского диалекта хантыйского языка:

1. Предпочтение исконных слов в существующих лексических дуплетах или слов, заимствованных в обозначенный нами как первый период проникновения русских слов в хантыйский лексикон (XVI век — начало XX века), например: *қон*, *кәнһсь*, *орт*, *йөрәң қө* (вместо рус. *царь*,

князь, хан), *вас йәңк, копас* (вместо рус. *квас*), *сорньи* (вместо рус. *золото*), *калась, дьвәп, ынад дохип* (вместо рус. *калач*), *қот, ол* (вместо рус. *год*), *қбрақси, роспойньик* (вместо рус. *разбойник*), *тохтар, лекар* (вместо рус. *доктор, врач*), *шарәп, тьәпрак* (вместо рус. *шарф*), *кирип, кирәп* (вместо рус. *пароход*). При этом в устной речи чаще употребляются слова, заимствованные из русского языка.

2. Расширение значения лексем, например: *дрт 1*) 'герой эпических мифов', 2) 'природа, свет, вселенная, небо, погода', 3) 'глава, предводитель, вождь', 4) < рус. 'король (игральная карта)'; *төрәм 1*) 'верховное божество народности ханты', 2) < рус. 'христианский Бог, икона'.

3. Передача значения описательно, например: *тәхләң кирип* < рус. *самолет*, *әпәт әвәттә вәх* < рус. *ножницы*, *сәм вах* < рус. *очки*, *аләң литә, лат аләң шай* < рус. *завтрак*, *дьөхи тәхәлтә пут* < рус. *умывальник*, *йәңк дхәртә вәх* < рус. *клещи*, *төрәм қот* < рус. *церковь*, *руть наркис йух* (*наркис йух* — хантыйский струнный музыкальный инструмент) < рус. *русская гармонь*, *руть вәлтәп* < рус. *рубанок*, *най вартә юх* < рус. *спичка*.

4. Калькирование, например: *әнәлтәтә кө* < рус. *учитель*, *йонтәксәтә нә* < рус. *швея*, *пут вәртә не* < рус. *повар*, *қоньтьтә қот* < рус. *больница*, *рәпидтә кө* < рус. *работник*, *қотәк сәтә кө* < рус. *строитель*, *кәника тәйтә қот* < рус. *библиотека*, *литә-ентьтә қот* < рус. *столовая*.

Пуристы предпринимают усилия по унификации графики и орфографии сургутского диалекта, в то время как большинство книг и учебников, выпущенных до начала 90-х годов прошлого века, опубликовано с применением основных правил орфографии русского языка. Несмотря на то, что разработаны шрифты для всех диалектов хантыйского языка, правила орфографии для сургутского диалекта пока не описаны. Отсюда и определенные противоречия в написании одних и тех же слов у разных авторов. Для пуристов характерно применение принципа фонематичности для унификации графики и орфографии сургутского диалекта.

Использование слогового принципа, как в русском языке при различении твердых и мягких согласных, недостаточно эффективно для орфографии сургутского диалекта. В отличие от шести гласных фонем и большого количества пар согласных по твердости-мягкости в русском языке сургутский диалект насчитывает 13 гласных звуков, различающихся по долготе и краткости, и всего три пары противопоставленных фонем [n] — [n̄], [t] — [t̄] и [l] — [l̄]. В отличие от русского языка в сургутском диалекте при обозначении палатализации наблюдается тенденция к использованию во всех случаях мягкого знака, например: *ньань* вместо ранее употребительного *нянь*.

Использование слогового принципа в сургутском диалекте лишено смысла еще и потому, что буквы русского алфавита *е, ё, ю, я* помимо указания в определенных случаях на палатализацию предшествующего гласного обозначают сочетания [j] с гласными фонемами [e], [o], [u], [a]. Данные фонемы в сургутском слове в зависимости от положения в первом или непервом слоге получают специфические характеристики, не свойственные гласным русского языка. Более того, в начале слова иногда средствами русской графики невозможно отразить некоторые комбинации звуков, например: *йекта* — *йик* 'плясать

— он плясал'. В связи с этим в сургутском диалекте оправдан отказ от букв *е, ё, ю, я* и введение их фонетических соответствий *й + гласный* звук. Этот принцип позволяет графически передать такое часто наблюдаемое фонеморфологическое явление, как чередование гласных в первом слове при изменении грамматической формы.

Следует отметить, что использование фонематического письма идет в ущерб экономии графических средств и введению дополнительных диакритических знаков. Однако в условиях, когда сокращается число носителей сургутского диалекта как родного, фонематическое письмо представляется более практичным для его изучения в национальных школах.

Противоречие пуристов и сторонников контаминации прослеживается и в применении некоторых диакритических знаков, которые призваны развести похожие звуки русского языка и сургутского диалекта. Следуя логике пуристов, целесообразно было бы отказаться от таких диакритиков, так как посредством этого противопоставления в фонетический строй сургутского диалекта вводятся несвойственные фонемы, чтобы оформлять заимствования из русского языка. Однако сами авторы, придерживающиеся пуристского направления в развитии письменного языка, например, А. С. Сопочина, используют эти пары звуков, и прежде всего букв *х, ч*, которые обозначают исконно хантыйские звуки, и *х, ч*, представляющих их соответствия в заимствованиях из русского языка.

Неопределенным остается графическое обозначение звуков [á], [ǒ], [o] и [ǒ]. Из-за отсутствия четкой языковой политики хантыйская графика в начале 1990-х годов была подвергнута «в порядке эксперимента» серьезной реформе. В результате увеличилось количество знаков алфавита. При этом новые графемы не были четко определены и описаны, что создало разрыв между графической системой в процессе обучения в национальных школах, и системой, которая используется в книгоиздании на хантыйском языке (Бурыкин 2000 : 155). Так, в печатной литературе, например, в учебниках по сургутскому диалекту хантыйского языка для национальных школ, используются пять букв *о, ѓ, ѓ, ѓ* и *ѓ* для обозначения четырех названных звуков. Не до конца прояснен статус графемы *э* в аффиксах, как, например, в названии романа Еремея Айпина «Ма мэхэв кодэнтэлэм», которая наряду с другой графемой *э* обозначает редуцированный гласный [ə]. В этой связи требуются определенные усилия лингвистов для приведения в соответствие данного звуко-буквенного соотношения. Пока не проведено ни одного комплексного экспериментально-фонетического исследования по сургутскому диалекту хантыйского языка. Только на основе таких исследований можно подготовить описание фонетики и фонологии сургутского диалекта, как это было сделано для казымского диалекта (Немысова, Волдина, Лыскова, Сенгепов 1988).

5. Заключение

Современный уровень развития сургутского диалекта хантыйского языка отражает результат многовекового сосуществования с русским языком. Процесс заимствования и адаптации реалий русского языка в

сургутском диалекте идет с XVI века. как за счет интенсивного развертывания всех заложенных в нем самом элементов, так и благодаря влиянию русского языка. В результате старые заимствования адаптировались под языковой строй диалекта, чего не наблюдается в более поздний период, с начала XX века.

Несмотря на попытки стандартизации языкового строя сургутского диалекта в последние два десятилетия, в нем продолжают действовать две противоборствующие тенденции. С одной стороны, тенденция, направленная на контаминацию, т. е. на приспособление норм и традиций русского языка, заимствований лексических единиц без их соответствующей фонетической адаптации, а также грамматических элементов русского языка, что приводит к образованию контаминаций, чуждых лингвистической системе сургутского диалекта. С другой стороны, все большую силу набирает пуристическая тенденция, направленная на сохранение чистоты языка на всех его уровнях. Это предполагает фонетическую адаптацию заимствованных элементов из русского языка, употребление исконно хантыйских слов в существующих дуплетах с русскими заимствованиями и отказ от слогового принципа в орфографии.

Address

Vasiliy Glushak
MGIMO-University, Moscow
E-mail: glushak@hotmail.com

ЛИТЕРАТУРА

- Б у р ы к и н, А. А. 2000, Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности. — Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. 1, Санкт-Петербург, 150—180.
- Н е м ы с о в а, Е. А., В о л д и н а, М. К., Л ы с к о в а, Н. А., С е н г е - п о в, А. М. 1988, Хантыйский язык. Учебное пособие для педагогических училищ, Ленинград.
- П о к а ч е в а, Е. Р., П е с и к о в а А. С. 2006, Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект), Ханты-Мансийск.
- Русский язык. Энциклопедия, Москва 1979.
- Т е р е ш к и н, Н. И. 1981, Словарь восточно-хантыйских диалектов, Ленинград.
- C s e p r e g i, M. 1998, Szurguti osztják chrestomathia, Szeged.
- S t e i n i t z, W. 1950, Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis, Leipzig.